

ЗАПИСКИ

ФЛОТА КАПИТАНА ГОЛОВНИНА

О ПРИКЛЮЧЕНІЯХЪ ЕГО

ВЪ ПЛѢНУ

У ЯПОНЦЕВЪ

Въ 1811, 1812 и 1813 годахъ.

Съ приобщеніемъ

*Замѣтаний его о Японскомъ Государствѣ
и народѣ.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Напечатаны по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

Въ Морской Типографіи 1816 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чѣмъ по напечатаніи до выпуска въ продажу представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги, для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библиотеки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 1816 года Марта 27. дня.

*Цензоръ Статскій Советникъ и Кавалеръ
Г. Яценковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Страницы

Происшествія съ нами на волѣ. Трудности и опасности, встрѣтившіяся намъ, когда мы шли по горамъ и морскимъ берегомъ. Недостатокъ въ пищѣ; изысканіе средствъ достать съѣстныхъ припасовъ и овладѣть судномъ. Планъ нашихъ дѣйствій. Японцы насъ преслѣдуютъ и вторично берутъ въ плѣнъ. Поступки ихъ съ нами. Они насъ ведутъ обратно въ *Матсмай*, представляющую Губернатору и заключающую въ насъ находящуюся городскую шюрму подъ жестокой и строгой надзоръ . . . 1.

Свиданія наши съ Губернаторомъ, вопросы его и снисходительное обхожденіе съ нами. Поступки Г. *Мура*, старавшагося насъ погубить. Прибытіе новаго Губернатора. Свиданіе наше съ нимъ и ласковой его приѣмъ. Насъ переводятъ въ другое мѣсто и начинаютъ содержать и обходиться съ нами лучше 49.

Отъѣздъ прежняго Губернатора и *Теске* въ столицу и снабженіе ходатайствовать о нашемъ освобожденіи. Вниманіе къ намъ Японцевъ. Г. *Муръ* не хочетъ съ нами мириться и говорить. Прибытіе *Діаны* къ острову *Кунаширу*. Привезенные на ней Японцы. Письма Г. *Рикорда*. Поступки съ нимъ Японцевъ. Извѣстія, тайно намъ сообщенныя, о сношеніяхъ между Японцами и *Діаною*. Г. *Муръ* съ нами примиряется. Формальное объявленіе Японскихъ Чиновниковъ о взятіи Г. *Рикорда* и ихъ судна и объ отбытіи *Діаны* изъ *Кунашира*. Разные слухи и толки о нашемъ дѣлѣ. Смерть Губернатора . . . 75.

Прибытіе вновь назначеннаго Губернатора и съ нимъ *Теске*. Объявленіе намъ, что Японцы хотятъ войны въ переговоры съ Россією. Поступки Г. *Мура*. Спранная болѣзнь Г. *Хлѣбникова*. Прибытіе къ намъ Ученаго и переводчика *Голландскаго* языка, для опобранія отъ насъ разныхъ свѣдѣній до *Рускаго* языка и до наукъ касающихся.

Ласки и снисхожденіе къ намъ Японцевъ. Вниманіе ихъ къ сословію Г. Мура и Хлебникова: перваго изъ нихъ переводящъ къ намъ. Показаніе о Россіи привезенныхъ на Діанѣ Японцевъ и особенно одного по имени Леонзаймы или Городзіл. Прибытіе Діаны къ Кунаширу. Отправленіе труда значащаго Японскаго Чиновника и съ нимъ одного маэстроа и Алексѣя. Сношеніе и переписка съ Г. Рикордоми. Отбытіе Діаны, возвращеніе Японскаго Чиновника и нашихъ людей. Новосты о Россіи, ими привезенныя. Ласковые съ нами поступки Японцевъ. Формальное объявленіе, что по прибытіи Діаны насъ освободящъ. Перемѣщеніе наше въ хорошо прибранный домъ . . . 101.

Отправленіе изъ Матсмая и прибытіе въ Хакодаде. Ласки и вниманіе къ намъ Японцевъ. Переводъ на Руской языкъ официальныхъ бумагъ, съ коими Японцы намъ ревались насъ опустушить. Прибытіе Діаны къ Японскимъ берегамъ. Письмо Г. Рикорда и отвѣтъ на оное Японцевъ. Пожаръ въ Хакодаде. Приѣздъ Губернатора. Прибытіе Діаны въ Хакодадскую гавань. Сношеніе Г. Рикорда съ Японскими Чиновниками. Переводъ и содержаніе привезенныхъ имъ бумагъ. Свиданіе наше съ Японцемъ Такатай-Кали. Моё свиданіе съ Г. Рикордоми. Формальное объявленіе Губернатора, что насъ вѣльно освободить; поздравленіе его и другихъ Чиновниковъ. Угощеніе и подарки, сдѣланные намъ Японцами, и освобожденіе наше . . . 148.

Посѣщеніе сдѣланное намъ Японскими Чиновниками, угощеніе и подарки наши. Переходъ изъ Хакодаде въ Каматку. Раскаеніе и душевныя спраданія Г. Мура. Попеченіе наше возвратить ему спокойствіе. Онъ лишается разума и убиваетъ себя изъ ружья. Офицеры Діаны рѣшающа пославить ему памятникъ. Отправленіе мое изъ Каматки, проѣздъ чрезъ Сибирь и возвращеніе въ Петербургъ. Награды Всемилостивѣйше пожалованныя служившимъ на шлюпѣ Діанѣ . . . 190.

ЗАПИСКИ

Флота Капитана Головнина.

Надобно знать, что весь обширный остров *Матс-май* покрытъ краями высочайшихъ горъ; низменные долины находятся только при берегахъ, и занимають небольшое пространство отъ моря до подошвы горъ, которыя послѣ возвышающся постепенно хребтами, раздѣленными между собою глубокими долинами и такъ, что одинъ хребетъ выше другого; дошедъ на послѣдокъ до чрезвычайной высоты, они продолжаютъ по всему острову, мѣстами нѣсколько понижаясь, а индѣ опять возвышаясь. И потому вся внутренняя часть острова необитаема; а селенія, какъ *Японскія*, такъ и *Курильскія*, находятся только по берегамъ. Мы начали подниматься на горы верстахъ въ пяти отъ морскаго берега и старались, гдѣ мѣста позволяли, идти прямо къ сѣверу, направляя путь свой по звѣздамъ. При подъемѣ на первую гору, я уже спалъ чувствовать въ полной мѣрѣ жестокою боль въ ушибенномъ колѣнѣ, которое вдругъ опухло чрезвычайнымъ образомъ. Когда мы шли по ровному мѣсту, то съ помощію палки, я могъ слегка спускаться больною ногою,

Часть II.

и чрезъ то боль нѣсколько уменьшалась, но поднимаясь вверхъ или идучи по косогору, по необходимости должно было и больною ногою упираться; тогда уже боль дѣдалась несстерпимою. Припомъ не бывъ въ состоянн равнѣ идши обѣими ногами, я скоро уснулъ и почти вовсе выбился изъ силъ; почему товарищи мои принуждены были каждые полчаса оспанавливаться, чтобъ дать мнѣ время отдохнуть и облегчить хошя немного больное колѣно. Намѣреніе наше было, прежде разсвѣша достигнуть до покрытыхъ лѣсомъ горъ, дабы имѣть способъ скрыться въ ономъ отъ поисковъ непріятеля; ибо Японцевъ мы должны были теперь счищать непримиримыми себѣ врагами. Когда мы прогуливались въ долинахъ окружающихъ городъ, то лѣсъ казался недалеко, но тушъ узнали опышомъ сколь мы обманулись, ибо прямой шропинки къ нему мы не сыскали, а поднимались гдѣ могли; почему иногда, по причинѣ весьма темной ночи, не бывъ въ состоянн видѣть предметы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, приближались къ такой крутизнѣ, что подняться на оную не было средствъ; въ такомъ случаѣ мы принужденными находились идти по косогору не впередъ, а въ спорову, въ ожиданн встрѣшшъ удобный подъемъ; попавъ же на оный, тошчасть опяш карабкались вверхъ, пока не встрѣчали новыхъ препятствій. Такимъ образомъ мучались мы болѣе шрехъ часовъ; наконецъ поднялись на высокій хребетъ горъ и пошли по ровной вершинѣ онаго къ сѣверу; но судьбѣ угодно было вездѣ составлять намъ препятствія и затрудненія: мы

достигли теперь такой выши, гдѣ мѣстами лежалъ снѣгъ на большое пространство, а какъ по снѣгу идти намъ было невозможно, ибо Японцы наступили бы намъ по слѣду, по выбирая чистыя мѣста, гдѣ снѣгу не было и не видя, далеко ли впередъ онѣ простираются, мы принуждены были ходить изъ стороны въ сторону, а иногда и назадъ воротаться; отъ чего мы ис-ходили очень большое пространство и измучились, но впередъ подались мало. Напослѣдокъ, за часъ до разсвѣта, вышли мы нечаянно на большую дорогу, по которой Японцы ѣздяще съ вьючными лошадьми изъ города въ лѣсъ за дровами, отъ чего дорога сія избита лошадиными копытами и людскими слѣдами, припомъ и снѣгу на ней не было; слѣдовательно Японцы нашихъ слѣдовъ никакъ примѣтивши не могли; вела же она прямо на сѣверъ къ лѣсу, и лежала по ровной вершинѣ горнаго хребта. Мы весьма обрадовались такой встрѣчѣ и удвоили свой шагъ; теперь, идучи по ровному мѣсту, я хотя и чувствовалъ въ колѣнѣ и даже во всей ногѣ жестокую боль, но оную въ сравненіи съ шѣмъ, что испытывалъ я, поднимаясь на горы, можно было называть великимъ облегченіемъ. Мы думали уже скоро достигнуть дремучаго лѣсу и располагали, забравшись въ чащу онаго, отдохнуть тамъ цѣлый день, но мажоръ Васильевъ оглянувшись вдругъ сказалъ; за нами гонятся на лошадахъ съ фонарями, и съ сими словами бросился съ дороги въ долину! Взглянувъ назадъ, мы увидѣли нѣсколько огней, показавшихся весьма близко; тогда и мы послѣдовали за нимъ, и начали спускаться

по крушизнѣ въ глубокую лощину. Долго мы спускались, не находя ни лѣсу, ни кустовъ, гдѣ можно было бы спряшашся, а между тѣмъ уже разсвѣтало; если бы тогда былъ день, то насъ можно бѣ было видѣть со всѣхъ окружающихъ горъ, а скрыться было нѣгдѣ. Наконецъ спустились мы на самой низъ пространной лощины, со всѣхъ сторонъ окруженной почти голыми горами; въ лощинѣ лежало еще много снѣгу, но мѣша, гдѣ бы можно было скрыться, мы не находили, а день уже насталъ. Нѣсколько минувъ стояди мы на одномъ мѣстѣ, озираясь кругомъ себя и не зная, что намъ предпринять; наослѣдокъ усмотрѣли въ одномъ каменномъ утесѣ отверстіе; и подойдя къ оному, нашли, что путь была небольшая пещера, въ которой мы едва всѣ помѣститься могли. Подлѣ самой сей пещеры лился съ горы большой водопадъ и выбилъ въ снѣгу подъ нею яму до самаго дна лощины, фушовъ на десять. Къ пещерѣ подошли мы по снѣгу, ибо въ этомъ углу рытвины весьма много его набито было; она находилась въ утесѣ, сажени на полторы отъ низу лощины и водопадомъ снѣгу было столько выбито, что мы едва могли съ помощію небольшого деревца у самаго отверстія пещеры стоящаго; ухватясь за оное, шагнуть въ нее; малѣйшая неосторожность (или если бы корень деревца былъ слабо утверждёнъ въ расщелинѣ, изъ которой оно выросло) могло бы повергнуть кого нибудь изъ насъ въ выбишую водопадомъ яму, перемочило бы его до нишки, да и выкарабкался ошшуда было бы ему трудно; а мнѣ съ больною ногою

моею и вовсе невозможно; однакожь, благодаря Бога, мы всё благополучно вошли въ пещеру. Сидѣнь намъ было очень непросторно, а припомъ и жеснко, ибо *еротъ* нашъ до половины былъ наполненъ плинникомъ, изъ коего вся гора состояла, и который лежалъ въ безпорядкѣ: многія плиты высунулись вверхъ краями и углами; а хуже всего было то, что мы почти не смѣли пошевелишься и принуждены были съ величайшею осторожностію перемѣнять положеніе тѣла, пошому, что дно пещеры было покато къ ямѣ, водопадомъ сдѣланной, а плинникъ мѣлокъ и сыпучъ, такъ что мы съ часу на часъ ожидали, что онъ покашится совсѣмъ и съ нами въ рывину. И такъ мы не могли ни лечь, ни пропнуться, а только съ одной стороны на другую облакачивались. Впрочемъ убѣжище наше было очень скрыпно. *Японцы*, не подойдя вплотъ къ оному, никакъ не могли насъ видѣть, а къ щастію нашему весьма холодный упренникъ такъ скрѣпилъ снѣгъ, что слѣды нашъ на немъ не были примѣшны. Насъ беспокоилъ только одинъ случай, кошорому видною былъ поварищъ нашъ *Шкаевъ*: когда мы уже спускались въ лощину, онъ пошерялъ копакъ свой, сшипый имъ на дорогу изъ шерстаного *Рускаго* чулка. *Японцы*, нашедъ оный, потчасъ увидѣли бы, что эта вещь изъ нашего *гардероба* и могли бы къ намъ добратся. Припомъ надобно сказать, что мы также опасались, чтобы снѣгъ у нашего выхода изъ пещеры въ теченіе дня отъ дѣйствія солнечныхъ лучей не стаялъ въ большомъ количествѣ; тогда намъ уже невозможно было бы оная выдти вонъ,

ибо поутру, какъ я выше сказалъ, мы и въ пещеру съ трудомъ могли влѣзть. Въ такомъ положеніи мы просидѣли до самаго захожденія солнца, разговаривая о своемъ состояніи и о будущихъ нашихъ предпріятіяхъ. День былъ весьма ясный, но солнечные лучи къ намъ не проникали, а сосѣдъ нашъ водопадъ еще болѣе холодилъ окружающій насъ воздухъ, отъ чего иногда едва зубъ на зубъ у насъ попадалъ. Въ теченіе дня мы часто слышали удары поперевъ въ лѣсу, который теперь былъ уже не очень далеко отъ насъ, а передъ захожденіемъ солнца мы, выглядывая изъ пещеры, видѣли на горахъ много людей. Впрочемъ особенно примѣчательнаго ничего не случилось, какъ развѣ то, что въ одно время услышали мы шорохъ, какъ будто бы кто спускался къ намъ съ горы; шорохъ увеличивался и приближался; мы ожидали уже каждую минушу увидѣть отрядъ солдатъ, насъ преслѣдующихъ, и готовились защищаться и отбиться, буде можно, но вдругъ явился дикой олень, который лишь шлохъ открылъ по духу, что мы отъ него близко, въ мигъ отъ насъ скрылся.

Когда появились на небѣ звѣзды, мы вышли изъ пещеры, и спали подниматься на высокую гору къ сѣверу, которая отчасти была покрыта мѣлкимъ рѣдкимъ лѣсомъ. Въ это время состояніе мое было самое ужасное: сидя въ пещерѣ я старался держать больную свою ногу почти всегда въ одномъ положеніи и она меня неслишкомъ беспокоила; но когда мы пошли, а особенно, когда спали подниматься на гору, тогда боль, не

только въ одномъ колѣнѣ, но и по всей ногѣ отъ плеч-
 ки до поясицы сдѣлалась несперлихою. Я видѣлъ,
 какое мученье долженъ былъ перенести, поднявшись
 на одну эту гору, но что будетъ далѣе? Сколько разъ
 еще намъ надобно. будетъ спускаться въ пронасти и
 подниматься на утесы? а обстоятельства требовали,
 чтобы мы скоро шли. Я чувствовалъ, что дѣлалъ
 большую помѣху своимъ товарищамъ и могъ быть при-
 чиною ихъ гибели, и потому спалъ просить ихъ име-
 немъ Бога оставить меня одного умереть въ пустынѣ;
 но они на это никакъ согласиться не хотѣли. Я пред-
 ставлялъ имъ, что видно судьбѣ угодно уже, чтобы я
 погибъ здѣсь, ибо при самомъ началѣ нашего покушенія
 я сдѣлался неспособнымъ имъ сопутствовать, и такъ
 почему же имъ, бывъ въ полномъ здоровьи и въ силахъ,
 безъ всякой пользы для меня, погибать со мною самими;
 когда они могутъ еще завладѣвъ судномъ спастись и
 достигнуть *Россіи*. Что же принадлежить до меня,
 что сѣдуя за ними, я долженъ только буду и ихъ за-
 держивать и самъ претерпѣвать лишнее мученье; рано
 или поздно они должны же будушь меня оставить и
 пр: Однакожь они прозбы моей не уважили, а говори-
 ли, что куда я живъ, то не оставяшь меня, и что
 они готовы каждую четверть часа останавливаться
 и давать мнѣ время отдышаться, а когда достигнемъ
 безопаснаго мѣста, то можемъ пребыть тамъ дня два
 или три для отдохновенія и поправленія больной моей
 ноги; сверхъ того маэрозъ *Макаровъ* вызвался самъ
 добровольно помогать мнѣ при подъемахъ на горы, ша-

кимъ образомъ, чтобы я шелъ за нимъ и держался за его кушакъ. И такъ я рѣшился, претерпѣвая ужасное мученье, слѣдовашъ за моими поварищами, но уже, можно сказать, не шелъ, а *Макаровъ* тащилъ меня. Поднявшись на первую гору, достигли мы ровной вершины ея, покрытой высокою прошлогоднею травой и мѣлкимъ расщепленіемъ дерева *баибу*. Отдохнувъ нѣсколько времени пошли мы по вершинѣ, направляя путь свой по звѣздамъ къ сѣверу. Ночь была тихая и свѣтлая; мы хорошо видѣли вдали превысокіе хребты, снѣгомъ покрытые, которые надлежало переходить. Тотъ хребтъ, по вершинѣ коего мы шли и слѣдующій за нимъ, были раздѣлены преужасною лощиною, столь глубокою, что мы никакъ не могли рѣшиться ночью спускаться въ оную, опасаясь, чтобы не зайти въ такую пропасть, изъ которой и назадъ выбраться будетъ трудно; а потому вмѣсто того, чтобы идти къ сѣверу, пошли мы вдоль лощины на западъ, въ надеждѣ встрѣшить горы, соединяющія сіи два хребта; да и въ самомъ дѣлѣ не долго мы находились въ безпокойствѣ, и скоро нашли какъ будто нарочно искусствомъ сдѣланную площадку, которая лежала прямо поперекъ всей лощины и соединяла оба хребта; она очень походила на дѣло рукъ человѣческихъ, и только одна огромность ея показывала, что она есть твореніе природы. Спускаясь на сей переходъ, увидѣли мы два шалаша, отъ коихъ происходилъ изрѣдка свистъ, точно шакой, какимъ у насъ манятъ перепеловъ; мы, присѣвъ въ шраву, долго слушали, желая удостовѣриться, птица ли это или охотники

сидѣвшіе въ шалашахъ. Наконецъ рѣшились идти къ нимъ, полагая, что ихъ не можетъ быть такое число, съ которыми не могли бы мы управиться; но подойдя поближе, увидѣли, что ночью два костра жердей намъ показались шалашами. Взявъ изъ нихъ по одной жерди вмѣсто копій, пошли мы далѣе, а перейдя на другой хребетъ, напали на большую дорогу, ведущую къ сѣверу, по которой возятъ дрова и уголь на вьючныхъ лошадяхъ въ городъ; между тѣмъ мы примѣтили, что нынѣшнею весною никто еще по ней не ѣздилъ, хотя вездѣ кругомъ насъ видны были огни, происходившіе отъ жженія угля въ ямахъ. Продолжая идти по найденной нами дорогѣ, начали мы встрѣчать мѣлкій густой лѣсъ и большую справу, и потому, когда время было уже за полночь, мы вздумали отдохнуть, забравшись въ чащу, ибо сидя въ пещерѣ на острыхъ камняхъ, мы ни на минушу даже задремать не могли. Проспавъ часа два, а можетъ быть и болѣе, пошли мы далѣе по дорогѣ, которая съ вершины хребта повела насъ разными кривыми излучинами въ преглубокую лощину; спустившись шуда на самый низъ, пришли мы къ небольшой рѣчкѣ, которая была мѣстами покрыта льдомъ и глубокимъ снѣгомъ, но онъ былъ столь твердъ, что могъ насъ поднимать. Тутъ мы потеряли свою дорогу, и потому перешли по снѣгу чрезъ всю лощину поперекъ оной, къ подъему на слѣдующій хребетъ, въ то мѣсто, гдѣ по нашимъ догадкамъ, ожидали мы найти продолженіе пошерянной нами дороги; однако жъ большой дороги сыскать не могли, а карабкаясь на гору напали на небольшую тропинку. Под-

нимаясь по оной, взошли мы на вершину хребта, который былъ выше всѣхъ пѣхъ, кои мы прошли, и какъ мы лѣзли весьма тихо, останавливаясь притомъ очень часто для отдохновенія, то вершины сего хребта достигли передъ самымъ почти разсвѣтомъ, и найдя пушъ удобное мѣсто для дневанья, мы расположились ошпаться на весь день; для сего мы умяли въ гуспой чащѣ горнаго тростнику (или мѣкое растѣнiе *балибу*) на такое пространство, на которомъ бы намъ вѣтъ симъ средствомъ немного согрѣться, ибо утро было очень холодное, а мы одѣшы были неслишкомъ тепло; но и двухъ часовъ, я думаю, мы не въ состоянii были пролежать, а спать почти и вовсе не могли: споль много беспокоила насъ спужа. Лишь только наспалъ день, мы вспали и осмотрѣли всѣ предметы, окружавшiе насъ; мы находились на превысокой горѣ и со всѣхъ сторонъ были окружены хребтами высокихъ горъ; тѣ изъ нихъ, которые находились опъ насъ къ полуденной сторонѣ, были ниже того хребта, на которомъ мы расположились, а находившiеся къ сѣверу несравненно его превышали. Впрочемъ, кромѣ неба, горъ, лѣсу и снѣгу, мы ничего не видали, но сii предметы имѣли весьма величественный видъ. Примѣтивъ, что всѣ вершины хребтовъ были покрыты небольшою мрачностiю, мы заключили, что если у насъ будетъ огонь, то съ окружающихъ горъ, нельзя разсмотрѣть дыму; почему согласились развесити оный между тростникомъ, чтобы по-

грѣмся около его и согрѣшь чайникъ (1): не для шого чшобъ чай пипъ (у насъ его не было), а чшобы можно было засохшее и покрышое плеснемъ и гнилью наше пишено удобнѣ прогнать въ горло; мы хошѣли было сварить какой нибудь дикой зелени, но въ горахъ ничего не могли сыскать годнаго въ пищу, ибо здѣсь, можно сказать, почти зима еще царствовала: шакъ высоко мы забрались! Наломавъ сухихъ сучьевъ, развели мы огонь и согрѣли снѣжную воду; попомъ сдѣлавъ изъ горнаго шроспнику шрубочки, пили посредствомъ ихъ воду, какъ насосомъ, и немного поѣли; между шѣмъ съ востока изъ за дальнихъ хребтовъ начали подниматься страшныя шучи, и вѣтръ въ горахъ спалъ завывать. По мѣрѣ возвышенія шучь, распилались онѣ по хребтамъ и вѣтръ усиливался; грозный видъ облаковъ показывалъ приближеніе ненастья. Мы думали, чшо въ такую пору, вѣрно въ горахъ нѣтъ опасности встрѣшиться кого нибудь сильнѣ насъ; а посланные въ погоню издали насъ примѣшисъ не могутъ, и шакъ рѣшились не дожидаясь ночи, пущисъ въ пущь; къ шому понуждалъ насъ и холодъ, кошорый шеперь спалъ, не смошря на огонь, много насъ беспокоишь. Пошли мы прямо на сѣверъ по шропинкѣ, бывшей на вершинѣ горы, но она, поворачивая по немного въ спо-

(1) Уходя отъ Японцевъ, мы не позабыли взять съ собою мѣдный чайникъ, кошорый къ шастію нашему, въ шую ночь работники оставили на очагѣ въ каморѣ, гдѣ спали машрозы.